

Стоило ребятишкам найти себе компанию по душе, как они тут же позабыли про отца.

Ван Сюань остался один — покинутый всеми и неприкаянный. Стоило ему не захотеть светских бесед, как его лицо тут же принимало каменное, суровое выражение. Впрочем, сейчас он ничуть не обижался на своих сорванцов, ведь одиночество длилось недолго: к нему уже спешил один из родителей, явно желая завязать разговор.

У детей свои заботы, у взрослых — свои расчёты. В этот элитный международный детский сад принимали далеко не всех: здешние семьи принадлежали к высшему обществу, и за каждым ребёнком стояли либо огромные деньги, либо весомая власть.

Даже у малышей здесь крутились свои негласные союзы. Из-за особого окружения, в котором они росли, эти крохи чуть ли не с пелёнок учились держать дистанцию и осторожничать. В свои компании они пускали далеко не каждого встречного.

Здесь образовательные ресурсы поражали воображение. В отличие от казённой зубрёжки в государственных школах, тут действительно ковали будущую элиту, ведя детей по непрерывному пути от младшей группы до самого выпуска из старших классов. Программа была щадящей лишь на словах: обучение велось сразу на двух языках, обязательные дисциплины перемежались кучей факультативов, а выбор дополнительных иностранных языков напоминал университетскую вольницу.

Ван Сюань обменялся крепким рукопожатием с подошедшим мужчиной — одним из чиновников от здравоохранения. Благодаря старым связям мастера Циня, у Ван Сюаня в медицинских кругах скопилось немало полезных знакомств, которые в своё время изрядно облегчили ему запуск собственного дела.

О том, что Ван Сюань делит кров и жизнь с женщиной, близкие люди, конечно, догадывались. Тот же мастер Цинь, впервые услышав эту новость, с полчаса молча переваривал услышанное, а потом лишь глухо велел им жить дружно — ни благословения не дал, ни проклятий слать не стал. Теперь по выходным, если выпадала свободная минутка, Ван Сюань с Гоуданем возили к нему внуков. Когда же наваливались дела, дядя Лю Юань сам приезжал на машине и забирал ребятишек к себе.

Мужчина грузно опустился на соседний стул и шумно выдохнул:

— Ну и егоза! Один день с ним посидишь — устанешь сильнее, чем за целую неделю в министерском кресле.

Ван Сюань понимающе улыбнулся:

— В этом возрасте у них энергии через край. Шумят, конечно, житья нет, но стоит им хоть на минуту затихнуть — и сразу как-то не по себе. Начинаешь дёргаться: не заболели ли? Сами ведь ждём не дождёмся, когда они наконец вырастут и станет попроще.

Собеседник согласно кивнул:

— И то правда. Только ведь вырастут — начнутся другие заботы. Вон у меня племянник, взрослый лоб, а в голове один ветер, о женитьбе и слышать не хочет. Невестка моя из-за него все глаза проплакала, места себе не находит.

— Значит, время его ещё не пришло, — мягко возразил Ван Сюань. — Парень он толковый, не пропадёт. Нынешняя молодёжь сперва на ноги встать хочет, карьеру сделать, а уж потом гнездо вить. Амбиций им не занимать. Сейчас ведь как: в двадцать с небольшим жениться — рановато, а в тридцать или даже сорок — в самый раз, обычное дело.

— Да уж, точно, — вздохнул чиновник.

Он сам был ярким примером такого подхода: перевалило за сорок, а его чадо только-только выпускалось из детского сада, так что слова Ван Сюаня отозвались в его душе живым сочувствием.

— А у меня их трое, — с улыбкой продолжил Ван Сюань. — Представляете, сколько головной боли впереди? Говорят же: дети — это долги из прошлых жизней. Но когда они ведут себя по-человечески, сердце радуется. Я ведь видел вашего Гуогуо — славный малый, с характером.

Мужчина рассмеялся, хотя в смехе его слышалась изрядная доля родительского бессилия:

— Ха-ха-ха! Да уж, характера ему не занимать, мы с матерью порой просто вешаемся. Упрямый как бык, на любое слово у него готов десяток возражений. Пытаемся заставить его учить английский, на французский записали. И знаете, что этот паршивец выдал?

Ван Сюань изобразил на лице крайнее любопытство, и собеседник, довольный вниманием, выдал:

— Он посмотрел на нас честными глазами и говорит: «Я китаец, зачем мне ваша басурманская мова?» Представляете? У нас с женой челюсти отвисли, а дедушка с бабушкой только ладоши потирают да защищают этого оболтуса. Смех и грех!

Ван Сюань послушно подхватил смех:

— А ведь малец-то по-своему прав!

«Ага, прав он, держи карман шире!»

Родители — они такие: любят прилюдно сетовать на несносный нрав своих чад, а сами втайне гордятся каждым их капризом. Так что хвастаться чужими успехами Ван Сюань не стал, чтобы не плодить лишнюю зависть.

— Ну, не захочет в науку — пойдёт по партийной линии или в чиновники, — примирительно

заметил Ван Сюань. — Сейчас перед молодыми все дороги открыты, вариантов уйма. Глядишь, вырастет ваш Гуогуо, откроет своё дело и станет крупным тузом. Не всем же раны врачевать.

Мужчина вздохнул и покачал головой:

— Оно-то так, но у нас ведь и с моей стороны, и со стороны жены — сплошь потомственные медики. Все в больницах да министерствах. Если он решит податься в другую степь, мы ему даже подсказать ничего не сможем, не то что пристроить. Чужая колея — тёмный лес.

В наши дни без связей никуда. В шальные семидесятые или восьмидесятые ещё можно было подняться с самых низов, рискнуть последним грошом и сорвать куш. А сейчас? Сейчас начать с нуля без копейки за душой можно разве что за карточным столом. В реальном бизнесе тех, кто пробился наверх сам, без влиятельной руки за спиной, остались единицы.

— Вырастим — разберёмся, — подбодрил его Ван Сюань. — Рано ещё крест на парне ставить. Покрутится среди ваших разговоров, наслушается историй из практики, глядишь — и сам не заметит, как загорится медициной. Гены-то пальцем не раздавишь.

— Тоже верно, — согласился тот.

Пока взрослые плели узоры светской беседы, дети разбирались со своими делами. У них всё было куда проще, хотя и здесь без деления на фракции не обходилось.

Бэйшэн приобнял маленькую Чжэньчжэнь за плечи. Они стояли чуть поодаль, с интересом наблюдая, как его старший племянник, Чэнху, сцепился в жарком споре с каким-то крепышом на голову выше себя. Впрочем, «спором» это назвать было трудно — мальчишки откровенно лаялись.

Слово за слово, обстановка накалялась. Полетели первые тычки, пошли взаимные толчки в грудь. Глаза у обоих налились яростью, хрупкий детсадовский мир трещал по швам. Дело неминуемо закончилось бы знатной потасовкой, но в самый критический момент между дуэлянтами выросла воспитательница. Разведённые по сторонам противники отчаянно брыкались, пытаясь достать друг друга хотя бы носками сандалий. Воспитательнице пришлось растащить их на приличное расстояние. Не имея возможности дотянуться кулаками, мальчишки свирепо вращали глазами и выкрикивали стандартные угрозы в духе «я тебе ещё покажу!».

Глядя на этих воинственных карапузов, нянечки и учителя едва сдерживали смех.

Бэйшэн разочарованно вздохнул. Маленькая Чжэньчжэнь надула губки и заканючила:

— Ну вот, всё испортили! Почему они не подрались? Папа говорил, что у старшего брата к кунг-фу таланта больше, чем у нас с третьим братиком. Я так хотела посмотреть, как Чэнху начистит ему пяточок!

Девчушка так яростно размахивала кулачками, будто сама была готова броситься в бой. Бэйшэн лишь покачал головой от её кровожадности.

С её-то цыплячьими ручками только на трибунах вопить, а не на рожон лезть. Если эта егоза ввяжется в драку и хоть раз оцарапается, дома брат Ван Сюань с ума сойдёт от жалости и злости. Пусть Чжэньчжэнь и строила из себя грозную разбойницу, в семье её холили и лелеяли больше всех — даже младшему, Чэншаню, не перепадало столько нежности.

Бэйшэн торопливо зажал ей рот ладонью и напустил на себя строгий вид:

— Тише ты! Что за глупости? Драться — это плохо.

Правда, сам он в глубине души тоже жалел, что зрелище сорвалось. Старшему племяннику определённо следовало показать класс.

Вспомнить хоть его самого: стоило ему отпраздновать десятилетие, как старший брат, Ли Кай, упёк его в секцию тхэквондо. Там Бэйшэна нещадно гоняли тренеры, а порой за его воспитание брался сам Ли Кай. За четыре года тренировок Бэйшэн наслушался от брата столько критики, что у него уши вяли. Тот вечно ворчал, что удары у него вялые, как у девицы, и годятся только для балета. Бэйшэн, разумеется, страшно обижался.

Как бы он ни дулся, спорить с силой Ли Кая не смел — старший брат действительно умел драться как чёрт. Просто обидно было: в зале тренеры в один голос твердили, что у парня редкий талант, а для брата все его успехи оставались «детским лепетом».

Зато когда подросток Чэнху, Ли Кай не только сам вызвался учить его стойкам, но и на каждом углу хвалил малого за «врождённое чутьё». Подумать только: какой-то карапуз умудрился заткнуть за пояс собственного дядю!

Так что лёгкая неприязнь, сменившая прежнюю безусловную любовь Бэйшэна к племянникам, имела под собой вполне веские основания.

С тех пор как эта тройца появилась на свет, Бэйшэн окончательно лишился статуса любимчика. Отец то и дело зудел под ухом, заставляя уступать малышам во всём.

«Ишь чего выдумал — старшие должны уступать младшим! А почему бы мелким хоть раз не уважить старшего?»

Слава богу, Ли Кай и Ван Сюань судили по справедливости. Для них возраст не играл роли: накосячил — получи нагоняй, и никаких поблажек мелким. Не будь этой строгости, Бэйшэн давно бы собрал вещички и сбежал из дома от такой дискриминации.

— Дядюшка, ты чего завис? Я тебя уже сто раз позвала! — Чжэньчжэнь сердито уставилась на него снизу вверх.

Бэйшэн лениво зевнул:

— Да чего тебе? И вообще, скоро там начало? Тоска смертная.

Свое детсадовское детство он уже почти не помнил. Со следующей четверти ему предстояло грызть гранит науки в девятом классе, готовиться к экзаменам, а его заставили мариноваться на утреннике у мелкотни. Какое насилие над личностью!

— Быстро сажай меня на закорки! — скомандовала племянница, дёргая его за край футболки.  
— Надо бежать к воспитательнице, нас сейчас красить будут перед выступлением. И фотоаппарат не забудь! Папа велел тебе щёлкать нас почаще. Потом проявим плёнку, вставим карточки в альбом — прямо рядом с твоими детскими фотками. Папа сказал, это на память, чтобы выросли и смотрели. Кстати, дядя, а что такое «на память»?

— Ерунда всякая, — буркнул Бэйшэн.

В детстве его тоже заставляли пикировать на скрипке и терзать клавиши пианино, так что на сцене он околачивался регулярно. Дома до сих пор пылились альбомы с его «шедеврами». На тех снимках он щеголял в крошечных фраках и бабочках, но лица... Боже, лица детей на утренниках всегда малевали так, словно они только что объелись свёклы — алые щёки, белила клоунские. И все эти сокровища Ван Сюань бережно хранил в семейном архиве. Бэйшэн до сих пор содрогался, вспоминая свои глупые беззубые улыбки на паре кадров, сделанных как раз в разгар смены молочных зубов.

А ведь были кадры и похуже: в штанишках с разрезом, где он ревет в три ручья или скалится как дурачок. Особой болью отзывались «художественные портреты», ради которых родители когда-то нацепили на него парчовую рясу и шапку монаха Сюаньцзана, нарисовав на лбу красную точку помадой. На другом снимке он и вовсе представлял в образе Красного Младенца — в одном лишь шёлковом нагруднике-дудоу на голое тело. В общем, в возрасте пяти-шести лет над ним поиздевались знатно.

В семейных архивах лежали сотни приличных, нормальных фотографий, но Ван Сюань почему-то питал нездоровую страсть именно к этому компромату. Бэйшэн несколько раз пытался выкрасть и сжечь эти позорные свидетельства своего прошлого, но безуспешно — тайник был надёжным.

Хуже того, Ван Сюань обожал доставать эти снимки при гостях, умиляясь: «Ой, посмотрите, какой лапочка был!» — и тыкать пальцем в его голый зад или нагрудник. Четырнадцатилетнему подростку, который уже считал себя без пяти минут взрослым человеком, хотелось провалиться сквозь землю от этого беспредела.

Бэйшэн нацепил свою самую пафосную, взрослую мину и процедил:

— Ладно, пошли. Уж я-то вас нафоткаю... на всю оставшуюся жизнь.

Последние слова он выделил особым зловещим тоном. В конце концов, справедливость должна восторжествовать: почему только его детские годы овеяны позором? Раз уж у него подрастает смена, глупо упускать такой шанс отыграться.

— А на выходных, — сладко добавил он, — дядя лично отведёт вас в лучшее фотоателье. Сделаем вам «художественную съёмку». Вот это будет настоящая память!

Пока Бэйшэн мысленно потирал руки и строил коварные планы, суэта в зале улеглась. Торжество вот-вот должно было начаться, и взрослые потянулись к своим местам. Удивительное дело: здешние отцы и матери, которых на обычное родительское собрание днём с огнём не сыщешь из-за вечной занятости на госслужбе или в бизнесе, сегодня явились чуть ли не в полном составе. Праздник выпуска собрал добрых три четверти семей.

Ван Сюань уже всю крутил объектив видеокамеры, наводя фокус на своё трио. Ли Кай вытянул шею, заглядывая в видоискатель, и тихо шепнул на ухо партнёру:

— Снял бы других детей для приличия. А то на записи будет казаться, будто наши трое в гордом одиночестве на сцене топчутся.

— Ничего ты не понимаешь, — не отрываясь от процесса, отмахнулся Ван Сюань.

Ли Кай лишь вздохнул. Своя рубашка ближе к телу, кто бы сомневался. Кто бы мог подумать, что практичный и холодный Ван Сюань окажется настолько сумасшедшим папашей, для которого весь мир клином сошёлся на собственных детях.

Вспомнив, с каким бесконечным терпением и нежностью Ван Сюань обычно возился с ребятишками, Ли Кай невольно нахмурился. У его ненаглядного просто рука не поднималась наказать этих чертенят как следует. Видимо, роль грозного отца семейства придётся взять на себя ему самому. Ван Сюань всё пытался звать к их разуму и вести долгие беседы, тогда как Ли Кай предпочитал старый проверенный метод: сперва выдать хорошего леща, а уж потом разбираться, кто прав, кто виноват.

— Ох, погляди на нашу Чжэньчжэнь! — восторженно зашептал Ван Сюань. — Какая прелесть! И как она лихо крутит фуэте, голова совсем не кружится! Настоящая балерина растёт.

Ли Кай промолчал, лишь закатив глаза.

— А Чэнху? Ты посмотри, какую важную мину соорудил! Прямо копия ты в детстве. Эх, как же давно это было... Я даже соскучился по тому маленькому угрюмому Гоуданю.

Ли Кай снова промолчал, чувствуя, как у него слегка краснеют уши.

— Да и младшенький наш не подкачал, — продолжал умиляться Ван Сюань, не спуская глаз с экрана. — Вечно робеет, за спины брата с сестрой прячется, я уж думал — испугается сцены и

разревется. А он держится молодцом, ни тени страха на лице!

—...хр-р-р... — раздалось в ответ.

Ван Сюань удивлённо повернул голову и почувствовал, как у него мелко задергалось веко. Брат Гоудань умудрился уснуть прямо посреди триумфа собственных детей!

Ван Сюань осторожно ткнул его локтем в бок. Тот слегка качнулся, поправил осанку и продолжил сидеть прямо, как на параде, однако глаза его оставались плотно закрытыми, а из ноздрей доносилось тихое мерное посапывание.

Ван Сюань мысленно вздохнул. До чего же, должно быть, скучным показался Гоуданю этот детский праздник, раз он отключился при первых же звуках пианино. Пришлось Ван Сюаню в полном молчании доснимать оставшуюся часть выступления, прикрывая дремлющего супруга широким плечом, чтобы никто из высокопоставленных соседей не заметил этой позорной капитуляции грозного бизнесмена перед чарами детского сна.

<http://bllate.org/book/19654/1996896>